

DEC 14 1959

5

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
6th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

VOL. XLIX. № 17.069. SUNDAY, DECEMBER 13,

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ДЕКАБРЯ, 1959 ГОДА 1959.

ЦЕНА 10 СЕНТОВ

Гоголь и его критики

Мнение критиков о творчестве Гоголя до странного различно. Трудно поверить иногда, что такие несходные мнения высказывались об одном и том же писателе. Объяснить эту разницу можно тем, что все критики были по своему правы, но каждый обращал внимание лишь на одну сторону творчества Гоголя, тогда как он был таким, каким его в разное время разные люди видели.

Белинский в первые годы появления имени Гоголя в печати признал его реалистом, творцом нового реалистического течения в русской литературе, отражавшим все сложные противоречия жизни, умевшего «видеть вещи в их настоящем виде».

Напротив Шевырев, (после выхода в свет «Вечеров на Хуторе» и «Миргорода»), считал произведения Гоголя просто «безобидной бессмыслицей».

Пушкин отзывался о Гоголе как о реалистическом сатирике. Но уже в первых его произведениях Пушкин отметил сочетание трагического и комического.

Появление в 1836 году «Ревизора» подтвердило мнение Белинского о Гоголе как о реалисте-художнике, зато реакционная печать объявила комедию грязной клеветой на Россию. Споры, создавшиеся вокруг пьесы Гоголь объяснил как ее «провал» и бежал из России. Он увез, однако, с собою за границу начало «Мертвых душ». В Россию он вернулся с уже готовой первой частью. К его ужасу и недоумению цензура признала вещь «вредной». Борьба с цензорами причинила Гоголю много страданий. В январе 1842 года он писал П. А. Плетневу: — «Как только Голохвастов (исполнявший обязанности президента московского цензурного комитета), услышал название «Мертвых душ», то закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю! Душа бывает бессмертна. Мертвой души не может быть. Автор вооружается против бессмертия». Когда цензору разъяснили, что дело идет о ревизских душах, «произошла еще большая кутерьма: — Нет! — закричал председатель, а с ним и половина цензоров, — этого и подавно нельзя позволить... Это значит против крепостного права».

Долго мучился Гоголь, пока

добился разрешения «Мертвых душ» к печати.

Результатом было возобновление болезни, которая как будто на некоторое время оставилась в своем развитии. Наконец, книга вышла. По словам Герцена, «Мертвые души» потянули Россию:

Вокруг книги, однако, снова поднялась борьба. В глазах Белинского «Мертвые души» упрочили торжество новой школы. Пушкин сказал — «как грустно наша Россия». Реакционная критика поливала Гоголя грязью, а Шевырев признал творца «Мертвых душ» «чистым художником», сторонником «идеального мира», а не писателем-общественником или сатириком. С. Аксаков уверял, что в «Мертвых душах» Гоголь совершенно отрешился от общественных вопросов.

В здоровье Гоголя наступил роковой поворот, приведший его к смерти. «Выбранные места из переписки с друзьями» довели Гоголя до сумасшедшего обскуранта, предателем прежних идеалов и т. д.

Однако, в 1858 году Аполлон Григорьев признал «Переписку» лучшим созданием Гоголя, но назвал автора ее «о всем не реалистом, а идеалистом-романтиком, историческая задача которого заключалась в том, чтобы привести современников к полному христианскому сознанию».

Наконец, уже в наше время (1902-3 г.г.) Д. Мережковский сказал, что «единственный предмет гоголевского творчества это — чорт, как мистическое воплощение вечного зла». Он тоже поставил «переписку» выше всех произведений Гоголя.

Вслед за Мережковским Валерий Брюсов, в статье «Судьба Гоголя», признал автора «Ревизора» «фантастом-мечтателем», воплотившим лишь «идеальный мир своих видений». Андрей Белый в книге «Мастерство Гоголя» указал на его «мистические, ирреальные

позиции». Символисты объявили Гоголя своим, если не родоначальником, то предшественником.

В. Розанов уже в 1914 году по случаю открытия в Москве памятника Гоголю, говорил, что памятник, в виде фигуры Гоголя, — вещь невозможная. Скульптура «имеет задачей своей удержать форму, она повинуется всем законам осязаемого и осязаемого». Гоголь, однако, «видимость полного человека имел, а натуры полного человека вовсе не имел». Душа Гоголя, по словам Розанова, находилась «в неустанном кружении», росла «в тоску и безумие», и никакой застывшей неподвижной формы к Гоголю приложить нельзя. Эта попытка и была причиной того, что, по общему мнению памятник оказался неудачным.

Нельзя не остановиться отдельно на взглядах С. А. Венгерова. В статье «Писатель-гражданин» в 1913 году Венгероу утверждал, что Гоголь «совершенно не знал реальной русской жизни». Лица, выведенные в его произведениях не являются в обычном смысле слова «героями его произведений», они представители «не индивидуальной, а коллективной жизни». «Выбранные места из переписки с друзьями», по мнению Венгерова — «была первая русская книга, которая так или иначе затрагивала основные вопросы русского общественного быта и при всех своих отрицательных свойствах, бывших ошибками ума, а не сердца, была бескорыстной книгой».

Венгероу справедливо указывает, что, уехав в Петербург, Гоголь уже не пользовался ни копейкой, взятой от крепостнического труда. «Он в душе своей идеализировал русскую жизнь на основе — идите в мир и приобретайте, прежде всего любовь к братьям».

Еще Чернышевский указывает на тот факт, что Гоголь большую часть своей сознательной жизни жил за границей и не имел намерения обличать общественную жизнь или государственный строй России. Он полагал, что изображает лишь частные факты. — «Связь этого отдельного факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращает на себя его внимания».

С. А. Венгероу подробно изучил жизнь и письма Гоголя и, усиливая взгляды Чернышевского, прямо сказал, что Гоголь русской жизни не знал. В русском уездном городе Гоголь провел только десять часов, а в губернском (Курске), прожил всего неделю. В какое время происходит действие «Мертвых душ» никак нельзя установить, — «потому Жертвы души, в самом заглавии которых так много символизма, в гораздо большей степени могут быть причислены к произведениям символическим, нежели к реалистическим». Дальше, однако, Венгероу добавляет, что — «... символизм «Мертвых душ» имеет глубочайшие корни в жизни. В них правдоподобие столь искривлено, элемент фантастики столь интегрально входит в конституцию произведения, что и наобности никакой нет в сколько-нибудь точном воспроизведении действительности».

В заключение хочется привести также слова Ницше, поставившего Гоголя наравне с Байроном, Мюссе, По и Леопарди. «... Я не смею назвать более великих имен, но я думаю о них, какие они есть, и какими они должны быть: люди с душами, в которых обычно прячется како-нибудь излом, часто мстят своими произведениями за внутреннее оскорбление, часто ищущие в своих взлетах забвения от слишком верной памяти, идеалисты из близости скверны!»

Е. Грот